

ОТ АВТОРА

Предпринимаемая мной попытка воссоздать картину развития советской социологии во второй половине истекшего века не является пионерным начинанием — она всего лишь продолжает дело, начатое другими. Первые решительные шаги в направлении недавнего советского прошлого этой науки сделал «Социологический журнал», который организовал дискуссию о роли советской социологии шестидесятых годов в реформировании общества (1994 г.)¹ и опубликовал серию мемуарных статей ведущих российских ученых. Затем с легкой руки редактора журнала Г. Батыгина вышла в свет обстоятельная книга воспоминаний и документов, посвященных отечественной социологии 60-х гг.² В промежутке между этими двумя событиями появился сборник документов директивных органов (1953–1968 гг.), помогающих понять подчиненную роль социологии в системе властных отношений советского государства³.

Инициативу москвичей подхватили петербургские социологи. Их историко-научная акция — Международная конференция «Ленинградская социологическая школа (1960–1980-е годы)» — привела к изданию ценных материалов о деятельности локального социологического сообщества в условиях жесткого идеологического контроля и цензуры⁴. Процесс, таким образом, пошел,

---

¹ См.: Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность: Материалы симп. 23 марта 1994 г. / Под ред. В.А. Ядова, Р. Гратхоффа. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1994.

² См.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин. М.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999.

³ См.: Социология и власть. Сборник. Документы. 1953–1968 / Под ред. Л.Н. Москвичёва. М.: Academia, 1997.

⁴ См.: Ленинградская социологическая школа (1960-е–1980-е годы): Материалы междунар. науч. конф. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998.

обозначив собою не ограниченную временем возможность приближения к абсолютной исторической истине путем порождения истин относительных.

Наблюдавшаяся смена парадигм развития России лишь подчеркнула необходимость индивидуальных и коллективных забот о сохранении и углублении исторической памяти как условия преемственности социологического знания и опыта его добывания. Носителями этой памяти выступили два поколения ученых — основатели советской послевоенной (в другом выражении — доперестроечной) социологии и идущие им на смену новые когорты российских обществоведов. Последним не раз пришлось перебивать летописи и хроники своих предшественников, каждый раз изменяя и обогащая, казалось бы, устоявшиеся и проверенные временем и научной практикой представления. Неоднозначность и изменчивость исторических реконструкций — жесткое правило, которому подчиняется генезис исторического и историографического знания.

Признавая всевластие этого правила, я все же взял на себя смелость предложить свой взгляд на историю советской социологии 50–80-х гг. Может показаться, что частное решение такой задачи облегчено моим непосредственным участием в развитии социологической науки начиная с середины 60-х гг.⁵ Но в наиболее общем случае даже искренно выраженные переживания, свободные от предвзятости или, напротив, от холода отрешенности, не гарантируют полной достоверности наблюдений, «особенно если наблюдатель наблюдает самого себя»⁶. Помня об этом, я буду пользоваться не столько личным опытом, сколько опытом других, кристаллизованным в трех группах источников — документах, устных историях (личных свидетельствах) и наблюдениях моих многочисленных коллег по социологическому сообществу. Их мнения, впечатления, высказывания, а часто и мироощущение в целом, предвосхитили многие страницы книги, повлияли на содержание отдельных ее разделов. Соавторство, скорее, чем авторство, лежит в основе профессиональной мотивации, побудившей меня выступить в роли летописца. Я готов отнести эту книгу к жанру коллективного повествования о том, что случилось с социо-

---

⁵ См.: Интервью с доктором философских наук Б.М. Фирсовым // Журн. социол. и социальн. антропол. 1999. Т. 2, № 4 (8). С. 5–22; прил. 2 к настоящ. кн.

⁶ См.: Российская социология шестидесятых годов... С. 7.

логией и социологами в интересующий нас период жизни советского государства. Но как автор я намереваюсь убедить читателя, что так было, по, правда, могло быть и иначе. Как было на самом деле — предстоит открывать еще не одному поколению исследователей.

Остается добавить, что в основе книги лежит курс лекций, прочитанный в 1999/2000 и 2000/2001 учебных годах слушателям факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, и объяснить центральную идею замысла как этих лекций, так и самой книги. Перед началом работы над курсом я решил инициировать экспертный опрос группы авторитетных российских и зарубежных социологов и предложил им на выбор несколько вариантов общей содержательной направленности лекций⁷. По **первому варианту**, акцент следовало сделать на анализе путей становления и развития различных областей социологического знания в послесталинский период. Согласно **второму варианту**, предполагалось представить каждое из отобранных основных направлений исследований с помощью case study (детальный разбор наиболее представительных, классических работ советского периода, сфокусированный на их теоретических предпосылках, методологии, технике сбора данных и полученных результатах). **Третий вариант** имел своей целью показать «восхождение на Голгофу» социологического знания в условиях советского государства, при этом центральной темой должны были стать отношения между социологией и властью. Эксперты не были едины в своих мнениях, но отдали предпочтение третьему варианту. Я последовал за большинством своих коллег, отчетливо осознавая, что мой выбор не лишает первый и второй варианты равного права на существование и воплощение в жизнь.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою признательность рецензентам книги — доктору философских наук *В. Ядову* (Институт социологии РАН) и кандидату социологических наук *Е. Здравомысловой* (Европейский университет в Санкт-Петербурге), а также всем участникам экспертного опроса — доктору философских наук *Г. Батыгину*, доктору философских наук

---

⁷ См.: *Фирсов Б.* Как создавался курс по истории советской социологии (1950–1980-х гг.) (рассказ в документах) // Журн. социол. и социальн. антропол. 2000. Т. 3, № 2 (10). С. 154–169; прил. 1 к настоящ. кн.

Б. Докторову, академику РАН *Т. Заславской*, доктору философских наук *А. Здравомыслову*, доктору философских наук *И. Кону*, доктору социологических наук *С. Кугелю*, доктору философии (Ph.D.) *Б. Рублу*, профессору *П. Тамашу*, доктору философии (Ph.D.) *Д. Шалину*, профессору *Т. Шанину*, кандидату философских наук *Ф. Шереги*, доктору исторических наук *О. Шкартану*, профессору *В. Шляпентоху*, доктору философских наук *В. Шубкину*, доктору философских наук *В. Ядову* — за ненавязчивое наставление автора на путь глубокого понимания особенностей развития отечественной социологии. Особая благодарность — преподавателям и слушателям факультета политических наук и социологии ЕУСПб, чей неподдельный интерес к истории советской социологии повлиял на мою решимость написать эту книгу. Благодарю от всего сердца сотрудников ректората ЕУСПб. Их поддержка, помощь и участливое отношение к моим авторским занятиям в период исполнения служебных обязанностей ректора ощутимо ускорили выпуск книги в свет. Редактор книги *Е. Васильковская* без усталости искала и находила поводы для повышения литературных достоинств авторского текста. Референт *Н. Иванова* стоически вынесла муки, связанные с размножением неисчислимых вариантов рукописи. Заведующая библиотекой *О. Лепенайте*, не считаясь с затратами времени и сил, с неутомимостью пчелы разыскивала материалы для чтения курса лекций и написания книги, едва в них возникала необходимость. *Т. Николаева* осуществила компьютерную верстку книги с непостижимой для меня скоростью и мастерством. Всем им я выражаю свою искреннюю признательность.

Б.М. Фирсов

Приложение I

Б.М. Фирсов, д.ф.н.

КАК СОЗДАВАЛСЯ КУРС ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ 50–80-х гг. (РАССКАЗ В ДОКУМЕНТАХ)¹

Исходный документ (письмо экспертам)

В третьей декаде марта 1999 г. я организовал опрос экспертов, направив своим адресатам следующее письмо.

Дорогой адресат!

По предложению моих коллег с факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге я начал разработку спецкурса, посвященного истории советской социологии периода 50–80-х гг. Курс предполагается прочесть в зимнем семестре 1999/2000 учебного года. В связи с этим я хотел бы получить Ваш совет относительно композиции курса. Согласно *первому варианту*, следует после краткого исторического обзора рассказать об изучении проблем социальной дифференциации, социальных проблем экономики, производства, об исследованиях проблем духовной жизни населения, социально-политических процессов и т. д.

Второй вариант близок к первому, но опирается на попытку представить каждое из отобранных основных направлений исследований с помощью case study (детальный разбор наиболее представительных, классических работ советского периода, сфокусированный на их теоретических предпосылках, методологии, технике сбора данных и полученных результатах). *Третий вариант* мог

---

¹ См.: Журн. социол. и социальн. антропол. 2000. Т. 3, № 2 (10). С. 154–169. В настоящем издании приведен не весь текст публикации, а только исходный документ и письма-ответы экспертов, которым он был направлен.

бы показать «восхождение на Голгофу» социологического знания в условиях советского государства — раскрыть отношения между социологией и властью, показать процесс становления теоретико-концептуальных взглядов, развития методологии и методов исследований, этапы развития социологического знания в сопоставлении с развитием мировой социологической науки, раскрыть мотивы представителей советского социологического сообщества, отношения социологии с другими дисциплинами, влияние социологии на жизнь социума и т. д. **Какой вариант могли бы предложить Вы, исходя из своего профессионального (исследовательского, преподавательского) опыта, а также принимая во внимание, что слушать лекции и посещать семинары будут молодые люди, получившие паспорт, когда СССР прекратил свое существование?**

Мне кажется, что разработка и чтение курса по истории советской социологии в стенах ЕУСПб могут и должны опираться на поддержку социологического сообщества. Люди, которым отправлено настоящее письмо, могли бы объединиться и создать небольшое, по авторитетное профессиональное сообщество — Международную ассоциацию исследователей советской социологии (для начала при ЕУСПб). Члены этой Ассоциации могли бы патронировать курс, принимать участие в чтении отдельных лекций и проведении семинаров, а также ежегодно проводить в стенах ЕУСПб публичные научные чтения, посвященные истории советской социологии (с последующей публикацией материалов). Я рискую предложить, чтобы первая такая встреча состоялась с Вашим участием в мае-июне 2000 г., и попытаюсь обеспечить финансовую поддержку этого чрезвычайно важного мероприятия. Разумеется, что и по этому поводу я хотел бы знать Ваше мнение.

Позволю себе в заключение лирическую ноту — мы прожили вместе не один десяток лет уходящего века, и было бы непростительной ошибкой не сохранить наши человеческие и научные связи в наступающем тысячелетии.

Я надеюсь получить ответ от Вас в самое ближайшее время.

Б. Фирсов

Адресатами этого письма стали:

1. *Геннадий Семенович Батыгин* (доктор философских наук, профессор, главный редактор «Социологического журнала»);

2. *Борис Зусманович Докторов* (доктор философских наук, Фостер-Сити, штат Калифорния);

3. *Татьяна Ивановна Заславская* (академик РАН, сопредседатель Интерцентра, Московская высшая школа социальных и экономических наук);

4. *Андрей Григорьевич Здравомыслов* (доктор философских наук, профессор, Российский независимый институт социальных и национальных проблем);

5. *Игорь Семенович Кон* (доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН);

6. *Самуил Аронович Кугель* (доктор социологических наук, профессор, Институт истории естествознания и техники, Санкт-Петербургское отделение);

7. *Мэри Маколи* (Ph.D., Московское отделение фонда Форда, директор);

8. *Блейр Рубл* (Ph.D., Институт Кеннана, Вашингтон, директор);

9. *Пал Тамаш* (Ph.D., Институт социологии Венгерской академии наук, директор);

10. *Дмитрий Шалин* (профессор, Университет штата Невада);

11. *Геодор Шанин* (профессор, ректор, Московская высшая школа социальных и экономических наук);

12. *Франц Эдмундович Шереги* (кандидат философских наук, руководитель исследовательского центра, Российский независимый институт социальных и национальных проблем);

13. *Овсей Ирмович Шкаратан* (доктор исторических наук, профессор, Высшая экономическая школа);

14. *Владимир Шляпентох* (профессор, Университет штата Мичиган);

15. *Владимир Николаевич Шубкин* (доктор философских наук, профессор, зав. сектором, Институт социологии РАН);

16. *Владимир Александрович Ядов* (доктор философских наук, профессор, директор, Институт социологии РАН).

К 20 мая письменно ответили 14 человек, устно, по телефону, — один человек (профессор О.И. Шкаратан, который в то время находился на лечении). Доктор М. Маколи во время опроса в Москве отсутствовала.

Документы № 1–15 (ответы экспертов)

1. Геннадий Семенович Батыгин

Глубокоуважаемый Борис Максимович!

Позвольте поблагодарить Вас за идею курса по истории советской социологии и предложить Вашему вниманию мои соображения. Недостаток первого варианта состоит в том, что курс превращается в обзор отраслей социологии (стратификации, духовной жизни и т. п.). В 50-е и 60-е годы тематический репертуар социологии дифференцировался по иным критериям и в данном случае преподавателю будет нелегко выстроить логику изложения, чтобы это выглядело повествовательно, как и должна выглядеть история. Второй вариант, действительно, дополняет первый, но имеет самостоятельное значение, поскольку разбор конкретных исследований даст студентам ощущение контекста исследовательской работы того периода. Я бы построил курс рутинно — по периодам, начиная с 20-х годов. Периодизация истории общественной науки в значительной степени совпадает с периодизацией политической истории страны, поэтому в центре внимания будет социальная история науки (отношения с властью, внутренние конфликты, воспроизводство идеологического дискурса). Я бы не стал форсировать вопрос о «восхождении на Голгофу», а, скорее, рассмотрел бы роль интеллектуалов в легитимации и реформировании тоталитарного режима. Такое расширение темы даст возможность сделать курс не просто изложением исторических реалий, а курсом по исторической социологии и социологии знания. Кроме того, я бы посоветовал включить в курс помимо разбора чисто социологических работ анализ литературного дискурса эпохи.

Вряд ли можно понять движение 50-х и 60-х годов без «Нового мира», кинофильма «Иду на грозу», повседневного мифа о Че Геваре, и, может быть, представлений о голубых коммунистических городах. Проблема здесь лишь в том, что при этом курс сильно расширится. Вы совершенно верно отмечаете, что слушать курс будут молодые люди, выросшие после гибели СССР. Думаю, им будет очень важно понять, что социология была не просто академической дисциплиной, а самосознанием эпохи. Разумеется, я сделаю все возможное, чтобы быть полезным Вам, и надеюсь оправдать Ваше доверие ко мне, которым я горжусь.

Искренне Ваш,

Г.С. Батыгин
Москва, 6 апреля 1999 г.

2. Борис Зусланович Докторов

Дорогой Б.М.!

Прежде всего я хотел бы сказать, что история советской социологии — это тот самый важный курс, который должны читать сегодня социологи, начавшие свою карьеру в 60-х и ранее. Сейчас никто не сделает этого лучше вас. Возможно, я ошибаюсь, поскольку уже пять лет не вылезал из моей американской «деревни», но, по моим наблюдениям, для многих молодых социологов — в частности твоих студентов — характерно негативное отношение к советской социологии как таковой. И этот ложный стереотип может быть (если?) разрушен только теми, кто делал эту социологию. И то не всеми. Но ты мог бы.

Из предложенных общих подходов к строению курса лучшим мне представляется второй вариант, так как следование принципам case study оставляет свободу и для планирования тематики, и для выбора системы координат, в рамках которой будут рассматриваться отобранные единицы анализа. Рискну предложить свой список исследований (можно сказать, исследователей), которые студентам необходимо знать, и обозначу идею выбора подобных координатных осей. Я пазову только теоретико-эмпирические исследования и не буду маскировать субъективности моего выбора.

Есть два проекта, знание содержания и судеб которых, на мой взгляд, обязательно для будущих российских социологов, это — ядовские диспозиции и грушинский «Таганрог», хотя я больше люблю его «Мир мнений...». Третий проект — это, конечно же, «Человек и его работа». В принципе, уже этого было бы достаточно, чтобы показать глубину лучших советских социологических штудий. Но пазову и другие заслуживающие внимания «древние» исследования: «Человек после работы» Гордона и Клопова, а также материалы Римашевской и то, что делал Шубкин. Будет прекрасно, если Татьяна Ивановна [Т. Заславская] пришлет тебе копию ее известного доклада. Говоря о более «свежих» проектах, я бы без лишней скромности рассмотрел наш советско-эстонско-литовско-венгерский (так мы его называли еще в советские времена) экологический проект и включил бы «Ожидали ли Вы перемен?» Андрея Алексеева.

Во всех этих исследованиях центральной является тема советского человека, его сознания и поведения в различных социальных обстоятельствах и средах.

Многообразие тематических срезов, представленных в названных исследованиях, множественность рассмотренных в них уров-

ней социальных отношений, многочисленность использованных эмпирических методов и, наконец, несхожесть жизненных путей названных социологов образуют широчайшее поле для твоих «чисто» научных, а также социокультурных и социально-политических интерпретаций советской социологии. Эта феноменологическая неоднородность и множественность участников процесса создания советской социологии автоматически определяют систему координат, не лимитирующую логику твоего анализа истории советской социологии и тон обсуждений прошлого со студентами.

Такой курс можно было бы рассматривать как поиск ответа всего на один вопрос: «Каким же был советский человек?» Левада сказал — простым. Не уверен.

Сегодня день космонавтики, и потому завершаю известным «Поехали!».

*Борис
Фостер-Сити, 12 апреля 1999 г.*

3. Татьяна Ивановна Заславская

Глубокоуважаемый Борис Максимович!

Немедленно отвечаю на Ваше письмо. Полностью поддерживаю идею чтения спецкурса, который со временем перерастет не только в книгу, но и в целое научное направление. Сердечно благодарю за включение меня в состав Ваших адресатов, было бы очень приятно время от времени встречаться в такой избранной компании.

По существу вопроса могу сказать следующее. Из трех предложенных Вами вариантов, с моей точки зрения, бесспорное преимущество имеет третий. Не думаю, чтобы это надо было бы аргументировать — это факт очевидный.

Реализация этого варианта намного сложнее, чем предыдущих, но это плата за «высший класс».

Идею сообщества я бы приветствовала, насколько она реальна в условиях нашей повседневной бедности? Профессиональная социологическая ассоциация Здравомыслива, кажется, приказала долго жить, поскольку у большинства ученых нет денег на командировки.

Наконец, хочу сообщить Вам, что в мае с.г. в Новосибирске («Наука») выйдет солидная (на 45–50 п.л.) коллективная монография, точного названия которой не помню, а примерное «Социальная траектория реформируемой России. Труды Новосибирской эколомико-социологической школы». Первый раздел этой книги,

посвященный истории НЭСШ, состоит из 7 глав, первые пять из которых (1960–1988 гг.) написаны мною, а последующие две — З.И. Калугиной, О.Э. Бессоповой и М.А. Шабановой. Так что в отношении Новосибирска Вы будете обеспечены некоторым материалом. В процессе написания своих глав я, как и Вы, столкнулась с необходимостью выбрать тот или иной жанр изложения. И выбрала третий. Мне кажется, что оторвать развитие советской социологии от истории нашего общества не то что жаль, а попросту невозможно. В связи с этим я поступила так (причем не сразу, а в процессе множества переделок и поисков).

Весь период, за который я отвечала, разделила на пять частей:

- 1) 1959–1966 гг. — директор Института экономики и организации промышленного производства Г.А. Пруденский, исследования носят социально-экономический характер, слово «социология» не произносится;
- 2) 1967–1973 гг. — возникновение и становление экономико-социологического коллектива, учеба, первые крупные исследования;
- 3) 1973–1980 гг. — освоение системной методологии;
- 4) 1980–1985 гг. — исследование социального механизма развития экономики (включая знаменитый семинар 1983 г.);
- 5) 1985 г. и далее — разработка концепций экономической социологии как особого научного направления.

Первоначально эти этапы выглядели, как простая последовательность во времени, и было трудно дать им содержательные или методологические названия. Но в процессе работы все более ясными становились качественные этапы в развитии коллектива. И совершенно невозможно было уйти от ярких событий, без которых получилась бы трудно угрызаемая сухомятка. Желаю Вам успешного исполнения задуманного.

С сердечным приветом

Т.И. Заславская
Москва, 30 марта 1999 г.

4. Андрей Григорьевич Здравомыслов

Дорогой Борис Максимович!

Большое спасибо за письмо и приглашение в СПб в 2000 г.! Относительно спецкурса по истории советской социологии. Мне представляется, что наиболее подходящим является вариант 2. Все-таки предполагается, что слушатель будет держать в руках

некоторые тексты, которые он сам может оценить и принять участие в их обсуждении.

По поводу Международной ассоциации исследователей советской социологии. Эта мысль очень хорошая. Я поддерживаю. Кроме того, я озабочен сейчас будущим Профессиональной социологической ассоциации. Может быть, не создавать новой ассоциации, а ограничиться передачей дел, изменением устава и пр. Принять участие во встрече в мае-июне 2000 года буду рад.

С самыми лучшими пожеланиями

А. Здравомыслов
Москва, 2 апреля 1999 г.

5. Игорь Семенович Кон

Дорогой Борис!

Я убежден, что тебе следовало бы остановиться на третьей версии программы в качестве базовой. В противном случае курс [лекций] может оказаться бесполезным для молодых людей. Социальный контекст — обязательный момент в истории советской социологии. Я, конечно же, согласен и с другими твоими предложениями, по ведь до следующего года еще так далеко. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я думаю.

Дела мои обстоят нормально, и я тружусь, невзирая ни на что. Постарайся разыскать том моих избранных работ под названием «Социологическая психология», только что вышедший в серии «Психологи отечества» (И.С.Кон. Социологическая психология. М.: Московский психосоциальный институт; Воронеж: издательство НПО МОДЭК, 1999. 560 с., — Б.Ф.). Книга эта может быть полезна для твоих планов. Здесь ее достать невозможно.

Искренне

Игорь
Будапешт, 4 апреля 1999 г.

P.S. Буквально вот-вот я намереваюсь обновить — вместе с Ядовым — свою статью о советской социологии для Социологической энциклопедии (под редакцией Borgatta). Работа эта весьма трудная и не очень приятная.